

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 340–345

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 340–345

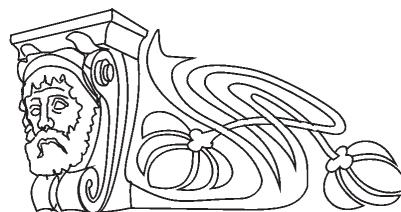
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-340-345>, EDN: YVVOPM

Научная статья

УДК 81'37'38

Образ Швейцарии М. П. Шишкина через призму концептуальной метафоры

Э. Ф. Тугусева

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Тугусева Эльмира Феясовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», elmiratugusheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4181-521X>

Аннотация. В статье исследуется значение концептуальной метафоры в реконструкции образа Швейцарии. На материале литературно-исторического путеводителя «Русская Швейцария» М. П. Шишкина описываются семантико-стилистические свойства метафор, которые являются своеобразно зашифрованными определениями индивидуально-авторских концептуальных смыслов. Цель работы – выявление механизмов концептуализации образа Швейцарии в ее русской проекции. Моделирующая роль метафоры рассматривается на языковом и концептуальном уровнях, отмечается особый метасмысл образа Швейцарии, связанный с самосознанием автора в инокультурном пространстве, его попыткой осмыслить историю XX в. через призму концептуального диалога культур. Анализ авторской метафоры осуществляется методом сплошной выборки с последующим выявлением системного характера применения метафоры в создании образа Швейцарии. Отмечается также связь метафоры и метапоэтических принципов произведения, рассматривается функционирование метафоры в различных дискурсах, связанных с историей и культурой России. Актуальность данного исследования обусловливается интересом филологической науки к феноменам, связанным с процессами мышления, в частности, на примере текстов, синтезирующих художественное и публицистическое начало, видится взаимосвязь авторского мышления и специфики языковой репрезентации концептуальных смыслов истории и культуры. Уделяется внимание индивидуально-авторскому принципу «сцеплений» и «комбинаций» не только в организации текстового пространства (как жанровой особенности), но и в создании ряда концептуальных метафор, необходимых для глубинного понимания исторической реальности, ее ориентиров, правды и заблуждений через призму отдельно взятой личности. Особое значение в контексте всего творчества М. П. Шишкина имеет металитературная составляющая метафорических моделей (пространства, зеркала/преломления, артефактная метафора).

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическая проекция, семантика, стилистика, метапоэтика

Для цитирования: Тугусева Э. Ф. Образ Швейцарии М. П. Шишкина через призму концептуальной метафоры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 340–345. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-340-345>, EDN: YVVOPM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

M. P. Shishkin's image of Switzerland through the lens of the conceptual metaphor

E. F. Tugusheva

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Elmira F. Tugusheva, elmiratugusheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4181-521X>

Abstract. The article studies the role that the conceptual metaphor plays in reconstructing the image of Switzerland. On the material of the literary and historic guidebook *The Russian Switzerland* by M. P. Shishkin the semantic and stylistic features of metaphors, which are peculiarly encoded definitions of the author's conceptual meanings, are described. The goal of the paper is to identify the techniques of how the image of Switzerland is conceptualized in its Russian representation. The metaphor's modeling role is considered on the language and concept levels, a special meta-meaning of the image of Switzerland is registered; it is related to the author's self-awareness in the space of the foreign culture, to his attempt to comprehend the history of the 20th century through the lens of the conceptual dialogue of cultures. The author's metaphorical range was analyzed by means of continuous sampling; further, the systemic character in using metaphors in creating the image of Switzerland was revealed. The connection between metaphor and meta-poetic principles of work is noted, the functioning of metaphor in different discourses, related to the history and culture of Russia, is considered. This research is relevant due to the interest of the philological science to the phenomena associated with the thought processes, in particular, on the example of texts that generate artistic and journalistic elements, an interconnection between the author's thought and the specific nature of the linguistic representation of conceptual meaning of history and culture can be observed. The author's principle of "coupling" and "combining" is addressed not only in the organization of the textual space (as a genre feature), but in

creating a number of conceptual metaphors, which are essential for the thorough understanding of historical reality, its reference points, truth and fallacies through the lens of a certain individual. In the context of M. P. Shishkin's oeuvre the meta-literary component of the metaphorical models has a special value (space, mirrors/deflection, artefact metaphor).

Keywords: conceptual metaphor, metaphorical mapping, semantics, stylistics, meta-poetics

For citation: Tugusheva E. F. M. P. Shishkin's image of Switzerland through the lens of the conceptual metaphor. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 340–345 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-340-345>, EDN: YVVOPM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Словосочетание «русская Швейцария» в обыденном сознании, с одной стороны, употребляется в географическом, туристическом контексте: «русской Швейцарией» называют живописные места России. С другой стороны, «русская Швейцария» – это современная русская диаспора, проживающая в данной стране. В концептуальном плане «русская Швейцария» – особый мир, возникший в XIX в. под влиянием русских социально-философских учений, наполненный смыслами русской классической литературы, представляющий определенную ценность для понимания истории России.

В прозе М. Шишкина словосочетание «русская Швейцария» подвергается концептуализации в связи с определенным опытом реконструкции историко-литературного маршрута, прокладывая который, писатель воссоздает образ Швейцарии, сложившийся в русской культуре с появлением «Писем русского путешественника» Карамзина (1791–1792) [1, с. 8]. Особую роль, на наш взгляд, в данной реконструкции играет метафора. Языковая или концептуальная, метафора способна наиболее точно передать образ, являющийся частью определенной картины мира. Но в отличие от языковой (образной) метафоры, сущность которой определяется изменчивым характером социокультурной действительности, концептуальная метафора способна выразить более устойчивые процессы речемыслительной деятельности. Концептуальные метафоры, реализуясь в частных (авторских) языковых метафорах, порождают целостные ментальные пространства, в которых может происходить осмысление человеческой истории, и в целом формирование мировоззрения. Возможности метафоры передавать и создавать сходство между совершенно разными категориями важны и для практического, и для теоретического мышления [2, с. 15]. В книге «Русская Швейцария: литературно-исторический путеводитель» М. Шишкина «швейцарская география сцепляет русскую историю в самых непривычных комбинациях» [3, с. 13]. «Сцепления» и «комбинации» выступают и как принцип построения текста, и как механизмы авторской метафористики, которая, по сути, синкретична, совмещает художественный

и публицистический дискурс. Выраженная через призму метафоры «художественная мысль не отталкивается от образа, а устремляется к нему» [2, с. 16]. В то же время «метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [2, с. 14]. На примере историко-литературного путеводителя «Русская Швейцария» М. Шишкина выявляется сложное взаимодействие языковой и художественной метафоры.

В теории художественная метафора – результат определенных эстетических изысканий, языковая – дана в языковом сознании в готовом виде. Языковая метафора легко заменима, не зависит от контекста в отличие от художественной метафоры, которая, по сути, является экспериментальной [4, с. 79]. В семантическом плане языковая и художественная метафоры противопоставлены по принципу соответственно системности / внесистемности, воспроизводимости / невозможности, анонимности / авторства [5, с. 34–41]. Концептуальные метафоры имеют дело с целостными смысловыми пространствами, но сам процесс концептуальной метафоризации происходит на уровне частных проявлений языковых и индивидуально-авторских метафор.

В художественно-публицистическом дискурсе, к которому относится «Русская Швейцария», концептуальная метафоризация осуществляется на идеологическом уровне произведения: «...в противовес клишированным иносказаниям, креативная авторская метафорика побуждает адресата осмысливать аналогию, оценивать меру сходства» [4, с. 79]. Исследуемая книга М. Шишкина не является текстом художественным, однако мы видим, что в ней концептуализация связана с моделированием окказиональной метафорической системы как объективной неизбежности: «...когда я оказался в пустоте, в швейцарской русской культурной пустыне, мне пришлось писать собственную российскую историю» [6, с. 141]. Авторская метафорическая система, как нам представляется, формирует собственно хронотоп произведения. М. Шишкин проводит своеобразный познавательный эксперимент того, насколько реальность может

быть зафиксирована в тексте [7, с. 171]. Однако эксперимент, проведенный автором для понимания реальности, требует создания некоей модели, и в этом несомненна моделирующая роль метафоры: автор лишь направляет к пониманию образа русской Швейцарии, сам образ концептуализируется в сознании читателя, в то же время для самого писателя данный образ содержит индивидуальные метасмыслы всего творчества.

Путь к пониманию авторского метасмысла образа Швейцарии как страны неправдоподобной, «игрушечной», картинной, скроенной по ментальным конвенциям русской литературы [3, с. 13], открывается чередой вопросов, создающих систему возможных, в чем-то противоречащих друг другу концептуальных признаков образа Швейцарии. Например, Швейцария настоящая, наигранная – игрушечная, но тут же она «ожившая» и все же «витрина магазина», ограниченная собой же. В то же время Швейцария как «набор почтовых открыток вместо пейзажа» в связи с предыдущей метафорой «ожившей витрины игрушечного магазина» дается как та же настоящая, но теперь уже подмененная, возможно, и как слишком красивая (ср. *как на картинке*), чтобы быть настоящей. Идея наигранности жизни встречается и в главе, посвященной Женеве и трагическим событиям в жизни Ф. М. Достоевского – смерти новорожденной дочери, «русская столица Швейцарии» определена как «город, ставший декорацией этой драмы» [3, с. 51], что перекликается с метафорой «ожившей витрины игрушечного магазина» (ср. декорация и витрина как то, что является показным). Однако Женева как «декорация» не служит для прикрытия семейной драмы Ф. М. Достоевского. Из контекста следует, что женевская «декорация» безучастна, чужеродна личной истории писателя. Социальное устройство Швейцарии, с одной стороны, также кажется неправдоподобным: «Послушание законам, собой же и придуманным?», а с другой стороны, оно является непоколебимым: «Святая уверенность деда, что его лужайка достанется внуку?». Более того, эпитет «святая» акцентирует вопрос о том, как осуществляется связь между поколениями швейцарцев, насколько важен духовный аспект, если на первый план выступает прежде всего «лужайка», та самая «частная собственность», не дающая покоя русским путешественникам. И далее следует метафора незыблемости, прочности, долговечности швейцарского мироустройства, которому можно материально довериться: «Государство, скроенное по фасону гоголевской шинельки». Данная металитературная артефактная метафора отсы-

лает непосредственно к покрою шинели в тексте Н. В. Гоголя [8, с. 511]. Кроме того, стилистической коннотацией слова «шинелька», с одной стороны, акцентируется относительно небольшой размер страны, с другой стороны, задается иронический тон. Фасон гоголевской шинельки объясняет следующий вопрос – «Накопленный труд поколений, перед которым бессильны все революции и идеи?»: все революционные идеи слишком подвержены износу в отличие от «добротной и плотной» Швейцарии. Эти же вопросы встретим в другом, собственно художественном произведении М. Шишкина – в романе «Взятие Измаила» [9, с. 52–53]. По признанию писателя, над обеими книгами он работал одновременно. Эти включения можно определить как метапоэтические данные – имплицитный диалог автора с собственными текстами.

В целом метафоры, содержащиеся во всем данном высказывании, состоящем из разноплановых, но связанных по смыслу вопросов, являются своего рода зашифрованными определениями индивидуально-авторских концептуальных смыслов. Рефлектирующему мышлению автора необходимо концептуальное выражение, «переход на метапозицию» [10, с. 67]. То, что Швейцария представлена антиподом России, по умолчанию есть авторская попытка определить Россию, передать некое свое авторское концептуальное знание о ней, смоделировать свой «опыт» России: «... концепт как модель позволяет показать, какие элементы смысла потенциально присутствуют в авторском сознании» [10, с. 68]. На концептуальном уровне метафоры «в рамках языковой системы ... непосредственно связаны с конкретными лексическими единицами, выступающими в роли имени, “этикетки”, “основного репрезентанта” концепта» [11, с. 43]. Швейцария названа у М. Шишкина самыми разными именами. Автор высвечивает их в разных дискурсах, связанных с историей и культурой России, создавая таким образом русскую метафорическую проекцию Швейцарии.

Замысел «Русской Швейцарии» возник у писателя как попытка понять смысл своей собственной жизненной истории, связанной с переездом в другую страну [12, с. 289]. В эссе «Урок швейцарского», открывающем семисотстраничную книгу, автор обозначает подозрительно («что-то не так») чуждое географическое и ментальное пространство Швейцарии: «Рай и скука. Между двумя этими полюсами раскинулся мир, в котором что-то не так» [3, с. 13]. Языковая метафора «рай» («красивое место, доставляющее удовольствие, наслаждение»; «очень

хорошие условия жизни», «блаженство, радость, испытываемые от чего-л.» [13]) расширяется приемом авторской иронии: раю противопоставляется не ад, а скука. Однако представляют интерес сами принципы, по которым метафоризируется пространство Швейцарии. Так, русская проекция Швейцарии реализуется в метафоре райского пространства, обрекающего мыслящих русских путешественников либо на иллюзии («обозначить это пятнышко на карте земным парадизом»), либо на скуку («Альпийский эдем в больших дозах вызывает у русских путешественников рвотный рефлекс»), или представляющего пространство для вызревания террористических идей («Швейцария действительно становится раем, но для подготовки русского террора»). В частном проявлении швейцарского пространства метафоры выражают природный и историко-культурный ландшафт («Гельветический пейзаж протыкают то и дело “проклятые русские вопросы”» [3, с. 16–18]; «Многоязычная Швейцария считается провинцией великих европейских культур и столицей педагогики»; «Эта страна с ноготок – колыбель русской смуты, потрясшей XX век»; «Швейцария становится Меккой нового учения о светлом будущем» [3, с. 24–25]). Метафора функционирует в историко-культурном контексте произведения М. Шишкина не только для реконструкции пространственных представлений – она в то же время является авторским способом обобщения исторического знания.

Контекст произведения предопределяет его смысловые коллизии, изменчивость образа, его оценочность, и метафора при этом служит выражением ситуации оценки, того авторского опыта, который не может быть дан в готовых формулировках. В лингвистическом плане «испытание контекстом открывает возможность сравнить стандартные (словарные) метафоры с креативной метафорикой писателя и определить, насколько продуктивен или «заигран» образ, используемый в роли донора для метафорических проекций» [4, с. 87]. Однако мы видим, что М. Шишкин использует «заигранность» как прием и, более того, намеренно сближает разнотекстовые метафоры. Так, некоторые цитаты, приводимые в тексте «Русской Швейцарии», содержат ландшафтные метафоры, близкие к метафорам основного текста. Например, в цитате из воспоминаний Л. Троцкого: «Но все же обширный гельветический пансион, озабоченный, главным образом, избытком сыра и недостатком картофеля, напоминал спокойный оазис, охваченный огненным кольцом войны» [3, с. 27]. Цитирование чужих текстов у М. Шишкина является, по сути,

иллюстрированием смыслов, раскрываемых по ходу повествования: метатекстовые связи – важнейший принцип реконструкции образа русской Швейцарии в публицистике писателя. Выбор чужого текста обуславливается во многом наличием в нем фраз, представляющих своеобразную метафорическую проекцию Швейцарии, которая перекликается с общей концепцией литературно-исторического путеводителя [12, с. 288].

В роли метафорической проекции выступают собственно сами швейцарские города, вынесенные в названия глав книги. Действительно, в «Русской Швейцарии» «город представляется полимасштабной метафорой сознания, он может выражать структуру сознания от единичной человеческой личности до человечества в целом» [14, с. 97]. Пространство швейцарских городов задано историями знаменитых русских писателей и философов, революционных деятелей. Например, Цюрих в русской Швейцарии назван «городом ниспровергателей и влюбленных» [3, с. 253]. Реальные маршруты, описанные в книге, выстраиваются сообразно литературным предпочтениям самого автора.

«Внимание к метафизике пространства, диалог его образов, сама идея спроецировать в пространство культурно-исторические коллизии» [12, с. 292] – все это позволяет нам эксплицитно концептуальные метафоры, связанные с процессами идеологической трансформации в сознании русских путешественников. Собственно, таким же путешественником, оторвавшимся от России, является и сам М. Шишкин: «У меня получилась История России, но через русских, которые были в Швейцарии» [6, с. 141]. Преломление одного через другое как попытка в какой-то степени реконструировать историческую правду, на наш взгляд, сближает М. Шишкина с А. Солженицыным – героем интереснейших страниц «Русской Швейцарии». М. Шишкин, создавая некий коллаж из цитат, опираясь на документальные источники, стремится осознать метальные причины идеологических подмен в истории России. Например, поскольку в XX в. «ценности частной жизни, символом которых Карамзин в русском сознании сделал Швейцарию, поставлены в России под сомнение», постольку и «жизнь сама по себе, в ее “швейцарском” виде, преломилась в русском зрачке в тошнотворное бюргерство, в лишенное одухотворяющего смысла презренное мещанское существование» [3, с. 20].

Метафоры зеркала/преломления, отражения историко-культурных процессов являются ключевыми для образа русской Швейцарии, на-

пример: «русские тени» как отражение русских идей мироустройства; швейцарские реалии в «русском зрачке»; русские тексты, написанные в Швейцарии, как то, что проявится на русской литературной почве [3, с. 16–26].

Семантика зеркала/преломления отсылает к идее перевернутости, обратности, противопоставленности одного мира другому: «Карамзинскому раю противостоит отныне русская Утопия», – констатирует автор, иронично говоря об обусловленности революционных идей стереотипным мышлением народа: «Трудом праведным не наживешь палат каменных» [3, с. 21]. Далее, цитируя мемуары народовольца Льва Тихомирова, отрешившегося от террора, М. Шишкин не упускает возможности «сцепить» народную мудрость с примером «обратного духового переворота». Такие примеры, по мнению автора, интереснее: Швейцария в них противопоставлена России по тому, каково отношение швейцарцев и русских к культурно-историческому прошлому, к прошлому как результату труда многих поколений. Прошлое швейцарцев, по Л. Тихомирову, – органичное соединение природы и культуры: «...каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут, как моллюски в коралловом рифе» [3, с. 23]. «Каменному прошлому» противопоставлена «деревянная дрянь» России. Швейцария предстает крепким организмом: «Против излучаемой Утопией идеологии, замахнувшейся на собственность, гельветы проявляют отменный иммунитет» [3, с. 27]. Однако и здесь прослеживается авторская ирония: «иммунитет» Швейцарии способен вписать русскую политическую эмиграцию в свои «фискальные интересы»: «Симбиоз полярных мироощущений. На русской революции делаются швейцарские деньги» [3, с. 25].

Какие бы быстрые имена не носила «русская Швейцария» в XIX – начале XX в., ее историко-культурный ландшафт при сталинском режиме задает одну абстрактную формулу исторического знания: «Для нескольких закупоренных поколений Швейцария становится лишь отвлеченным понятием из учебника истории – там Вождь готовил Великий Переворот» [3, с. 31]. Однако основой геопозитики «Русской Швейцарии» являются, на наш взгляд, именно концептуальные метафоры, а не абстракции, и это прежде всего метафоры зеркала/преломления, метафоры райского пространства, чуждого русской ментальности. Этим М. Шишкин объясняет непереводаемость данного текста на другие языки [6, с. 141]. Можно предположить, что образ Швейцарии, переданный писателем, отражает во многом

экстраполирующее сознание условного русского читателя, способного представлять явление в целом по отдельным, часто неполным данным, сводить единичные исторические факты к пониманию всей истории.

Сложность и многоаспектность метафорических переносов обуславливает возможность их разноплановой классификации. Для настоящего исследования наиболее значимыми являются функциональная, когнитивная и дискурсивная типологии метафор. Характеристика взаимоотношений концептуальных и словесных метафор – актуальная проблема метафорологии. Рассматривать данное явление возможно лишь при непосредственном анализе языкового материала, при конкретизации типа дискурса. Так, для художественно-публицистического дискурса вопрос о соотношении концептуальных и словесных метафор является ключевым для понимания индивидуальной авторской стратегии смысло- и текстопорождения.

Художественно-публицистический дискурс – явление синкретичное. Главной трудностью при исследовании лингвистических феноменов, проявляющихся как в художественных, так и публицистических текстах, является размытость границ между художественным и нехудожественным началом, неразработанность категорий для анализа современного литературного процесса. Одна из самых серьезных трудностей – выявить критерии художественности текста. Здесь лингвистика напрямую взаимодействует с литературоведением, поскольку критерии художественного текста выводятся непосредственно из самого языка писателя. Значимость метафоры в языке писателя определяется контекстом. Если метафора является стандартной, она не побуждает читателя к соразмышлению, «не затрагивает рефлексивных слоев нашего мышления» [4, с. 79]. Такая метафоризация понимается как один из приемов создания художественной условности, предназначенный для косвенного и образного выражения смысла, поэтому можно говорить прежде всего о технологии метафоры. Однако собственно метафора порождает двойственное представление о разных классах объектов, и в этом смысле важна уже не техника, а идеология метафоры. В любом типе дискурса метафора обогащает понимание человека и его языка. Но именно в смешанных типах, в частности в художественно-публицистическом дискурсе, метафора может стать доминирующим способом репрезентации феноменов словесного творчества и, возможно, чуть ли не единственным честным

способом реконструкции опыта, который автору не дается в виде готовых моделей восприятия и познания, а выводится из лингвистических, когнитивных, культурно-исторических явлений его жизни. Отсюда возникает проблема соотношения концептуальных, индивидуально-авторских и языковых метафор в данном синкретичном (или интегрирующем) типе дискурса.

Сложный характер взаимодействия языковых, индивидуально-авторских и концептуальных метафор может быть прояснен непосредственно при обращении к текстам художественно-публицистического дискурса, в особенности к языковому материалу писателя, в идиостиле которого доминирует метафора. Диффузная природа метафоры может объяснить не только технологию авторского стиля, но и его идеологию. Именно на уровне метафоры наиболее отчетливо проявляется авторский почерк. Такой языковой материал – основа для реконструкции авторской (частной) метапоэтики.

Металитературность как особенность идиостиля М. Шишкина, требующая отдельного исследования, также проявляется в виде концептуальных метафор, связанных с представлениями ключевых образов русской литературы, побуждающих к метарефлексии. В творчестве писателя большую роль играют так называемые литературные артефакты – вещи писателей и литературных персонажей. «Литературные артефакты» выступают в творчестве М. Шишкина в качестве концептуальных метафор и в целом являются особенностью писательского идиостиля. Более того, собственно коллекция таких «литературных артефактов» является метафорой культурной памяти и вообще памяти как глубинной творческой способности. Метафорический перенос непосредственно актуализирует память, «изначально антропоцентричен и, как следствие, диалогичен, поскольку формируется на базе субъективных связей между именуемыми явлениями: человек устанавливает связь (подобие, аналогию) между явлениями, тогда как в объективном мире эти явления (по данному признаку) такой связи не обнаруживают» [11, с. 20]. Литературные метафоры необходимы писателю для выражения концептуального диалога о литературе и истории России. Так, с одной стороны, пальто и обручальное кольцо, проигранные в швейцарской рулетке, прямо свидетельствует о трагическом безденежье, с другой стороны, М. Шишкин вводит эти «литературные арте-

факты» в контекст творческой психологии, и они предстают метафорой страдания, концептуальной для романов Ф. Достоевского. Однако подобные примеры любопытны для рассмотрения в контексте всего литературного творчества М. Шишкина.

Список литературы

1. Меднис Н. Е. Границы интерпретационного поля и художественный код (к проблеме формирования швейцарского интерпретационного кода в русской литературе) // Текст и интерпретация / под ред. Т. И. Печерской. Новосибирск : НГПУ, 2006. С. 8–13.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной ; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32. EDN: YJZAPV
3. Шишкин М. П. Русская Швейцария: литературно-исторический путеводитель. М. : Вагриус, 2006. 654 с.
4. Ляпон М. В. Язык писателя: лингвистический эксперимент под контролем творческой интуиции. 2-е изд. М. : Издательский Дом ЯСК, 2020. 328 с.
5. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. Изд. 2-е. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. 166 с.
6. Роткирх К. Одиннадцать бесед о современной русской прозе. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 160 с.
7. Мыслина Ю. Н. Джойсовский тип хронотопа в литературно-историческом путеводителе М. Шишкина «Русская Швейцария» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 168–173. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-168-173>
8. Гоголь Н. В. Повести. М. ; Л. : Художественная литература, 1951. 543 с.
9. Шишкин М. П. Взятие Измаила : роман. М. : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2020. 538 с.
10. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. Саратов : Научная книга, 2016. 222 с.
11. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с. (Studia Philologica).
12. Абашев В. Русская Швейцария Михаила Шишкина в контексте путеводительного жанра // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков : SCRIPTUM, 2017. 509 с.
13. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
14. Лавренова О. А. Культурный ландшафт как метафора // Философские науки. 2010. № 6. С. 93–101. EDN: NDYHF

Поступила в редакцию 25.02.2023; одобрена после рецензирования 17.05.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 25.02.2023; approved after reviewing 17.05.2023; accepted for publication 30.06.2023